

Екатерина Филиппова

The book cover features a vibrant, stylized illustration. In the background, a city skyline with various skyscrapers is depicted in shades of teal and green. The sky is filled with numerous colorful, glowing butterflies in various sizes and colors, including yellow, purple, and orange. In the foreground, the silhouettes of a man and a woman are shown embracing on a dark, textured ground. The overall aesthetic is dreamlike and fantastical.

МОТЫЛЬКИ НА КАССАНДРЕ

12+

Екатерина Филиппова

Мотыльки на Кассандре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57386056

SelfPub; 2020

Аннотация

Человечество ушло в виртуальный мир. В реальном остались лишь немногие – поддерживать систему. Мир, каким мы его знаем, перестал существовать. И не все этим довольны.

На пересадочной станции почему-то пахло шашлыком. Энди поморщился – в дурацком времяпрепровождении он давно разочаровался: масса потерянного времени, а в итоге – несколько кусков полусырого обгорелого мяса. В ресторанах Города шашлык был хорош, у всех поваров. И у всех – одного вкуса. Ни подгорелого краешка, ни лишней жиринки, ни сверхнормативной перчинки... Руки бы выдрать и ленивым программерам – явно ведь лишь два базовые варианта прописали – и жадным поварам, скупящимся на заказ уникальных рецептов.

Энди ещё раз глубоко вздохнул, но в этот раз запах показался приятнее, с оттенком каких-то незнакомых специй. Решив, что здешний шашлык нужно попробовать, он сдвинул до упора дверцу капсулы, сел на лежанке, осторожно слез на пол и шагнул вперёд. На первом же шаге левая нога подвернулась, и он еле поймал равновесие. Благо разумно потоптался на месте, привыкая к ощущениям: всё-таки капсулы переноса – пока не айс, почти всегда моторика глючит в первые секунды.

Уже более решительно Энди подошёл к зеркалу, висящему рядом с капсулой, пригляделся. Всё, как и заказывал: рост выше среднего, копна светлых волос, глаза – синие, мышцы – рельефные. Вроде бы получилось похоже на бывшее тело, по которому он, если честно, немного соскучился. Увы, типичный славянский пейзажник – абсолютно не модный нынче типаж. Он задрал футболку, полюбовался на кубики прес-

са. Оттянул пояс свободных льняных брюк и резинку трусов, с интересом заглянул внутрь – вроде бы норма. Заправил футболку, поморщился, выпустил поперх. Поправил волосы, чтобы одна прядь падала на лоб – всё, теперь можно выходить.

Оглядевшись в тесном и старомодном холле, Энди удивился, что так мало дверей к капсулам, хотел было подойти к небольшому грязноватому окну, но обернулся на недовольный женский голос:

– Молодой человек, вы долго там топтаться собираетесь? Давайте-ка быстренько регистрируемся, а то автобус заждался.

– Какой автобус?

– Обычный. На четырёх колесах, который вас в гостиницу повезёт. Так, Синцов Андрей?

– Энди. Энди Кэмпбелл.

– Меня ваши городские ники не интересуют. Синцов?

Энди с отвращением посмотрел на толстую тётку за стойкой – можно ведь было нормальный аватар выбрать, а не себя реальную копировать. Ну, в новых районах свои нравы. Извращенцы. Сухо подтвердил, что, да, Синцов. С прошлого тренинга фамилию не вспоминал.

Подошёл к окну: узкая улочка, дома с черепичными крышами, в просвете между ними – полоска моря. И солнце – яркое, оранжево-жёлтое. Странно. Должно быть голубое.

Он повернулся к тётке:

– Это ведь Кассандра?

Тётка хихикнула:

– А вы, кирие1), куда ехать изволили? Разумеется, Кассандра.

– А почему солнце такое?

– Нормальное солнце. – Тётка чуть повернулась, чтобы посмотреть в окно. – А какое оно должно быть?

– Голубое. На планете Кассандра солнце – голубое. Я сам его создавал.

Противная баба аж сложилась от смеха:

– Ну, ты и шутник. Не знаю, где уж ты там и какое солнце рисовал, а у нас, в русской Греции, оно обычное, жёлтое.

Она немного полюбовалась на отвисшую челюсть Энди, и мерзким учительским голосом продолжила:

– Вы, кирие Синцов, прибыли на Кассандру, первый палец полуострова Халкидики. В город Сивире, главную реал-базу русского сектора Города. Автобус ждёт на улице. Всё, свободен.

Входная дверь распахнулась, на станцию вихрем ворвалась рыжеволосая девица, всем радужно улыбнулась:

– Здравсьте, тётъ Фина, калимэра2). А вы – Андрей? Пойдёмте, все собрались, вы – последний.

Толстая Фина сурово заметила, что для «калимэра» уже поздновато, да и для "калиспэра"3) время скоро выйдет, а рабочий день у неё пять минут как закончился. Потом разулыбалась, с неожиданной для такой туши стремитель-

ностью выметнулась из-за стола, пообнималась с девицей и подтолкнула их с Энди к двери.

Схватив ошарашенного парня за руку, рыжая вытащила его наружу и впихнула в старенький микроавтобус. Усевшись за руль, она завела машину и, рванув с места с дикой прогазовкой, бросила через плечо:

– Я – Катерина, ваш тренер на эти выходные. Знакомьтесь с коллегами – Лариса и Василий. Ребята, это – Андрей. У нас в этот раз маленькая группа.

Тощая брюнетка с солдатским ёжиком улыбнулась:

– Вообще-то я Лорали. Но здесь положено с реальными именами... Идиотизм, правда?

Энди обречённо кивнул. Естественно, идиотизм. Кому это нужно – каждый год выдирать людей из нормальной жизни, отрывать от работы, и заставляя в отвратительных местах играть в кретинские игры, притворяясь, что всё это в реале. Жевать якобы натуральную пищу и, типа, общаться. Да кому нужны эти коммуникативные навыки! Что, в Городе у него мало общения? Главное, почему его в эту деревню засунули? Хорошо, пусть в деревню, а не на обещанную и горячо любимую курортную Кассандру, но почему в реал?

Унылый Василий что-то неразборчиво буркнул, и отвернулся к окну. Да на что там было смотреть? С одной стороны море, довольно яркое, но далеко не такое красивое, как в Городе. С другой – унылые поля. Правда, с весьма удачными мазками мелких ярко-красных цветочков. Хотя он сам

эти цветные полосы расположил бы по-другому. И, пожалуй, ещё немного фиолетового добавил бы. Но хорош дизайнер, хорош. Стоп, какой дизайнер, это же – реал. Вот почему нога на выходе подламывалась. Ну, дайте только вернуться...

Автобус резко затормозил. Рыжая Катерина распахнула пассажирскую дверь и скомандовала:

– Выходим.

Энди попытался возразить:

– Подождите, я сам не понимаю, почему с вами поехал. Это вы меня схватили и поволокли... Я записан на обычный виртуальный тренинг – на планете Кассандра, с отдыхом на Радужных островах. Понимаете, на планете. Виртуальной. А не в реале, тем более – не в паршивом греческом городишке. Это точно кто-то из логистов напутал. Так что я возвращаюсь.

Катерина, с виду совсем не обидевшаяся на «поганый», сочувственно покивала:

– Логисты? А, транспортники. Да, они везде одинаковые. Правда, город, как и полуостров, не греческий, а уже лет двести, со времён всеобщего Исхода – русский. Ну, греки некоторые остались, но они как-то очень быстро вписались. Ладно, это всё лирика, а вы, в любом случае, имеете полное право вернуться на станцию. Только идти придётся пешком, потому что я сегодня больше никуда не поеду. Так что к закату дойдёте, а ночь проведёте на крылечке, потому что тётя Афина уже ушла домой. Лучше спокойно переночуйте здесь,

а утром отвезу вас, и будете там разбираться.

Гостиница оказалась довольно уютной. Маленькой, всего на семь номеров. Хозяин, представившийся Павлом Петровичем, кряжистый мужик с неожиданно аристократическим лицом, встречал недовольных гостей на крыльце. Предложил выбирать комнаты и спускаться к ужину.

Комната Энди понравилась. Пожалуй, для сельской гостиницы он и сам бы лучше не придумал: светло-серая мебель, занавески и покрывала в мелкий цветочек, полуприкрытые ярко-голубые ставни. И невероятная смесь ароматов: перебивающий всё запах моря, на его фоне лёгкими всплесками – цветочная нотка, сменившаяся прилетевшим из-за двери оливково-чесночным намёком на ужин, и опять цветы – с привкусом ароматического воска. Он провёл пальцами по покрывалу, потом по спинке кровати, по прикроватному коврику. Невероятно! Вроде бы привычные ощущения, но всё-таки другие, более острые и яркие. Нужно запомнить и постараться передать... Отдёрнул палец, уколотившись о запутавшийся в коврике обломок сосновой иголки. Вот, и о таком забывать не нужно. Интересно, почему хвоей не пахнет? Сосен-то вокруг полно.

Спустившись в столовую, он обнаружил своих товарищей по несчастью уже за столом. А на столе... Да уж, расстарались хозяева. Ничего похожего он ни в одном из ресторанов Города не пробовал. Или в греческий сектор давно не забредал? И названия экзотические – одна мусака чего

стоит! Да ещё куча русских блюд – настоящий оливье с икрой даже слегка искупил это глупое недоразумение с реалом. Интересно, что в Городе у него вкус совсем не такой. Открыть, что ли, русско-греческий ресторан, и Катерину виртповаром пригласить. Наверняка обрадуется – постоянный вид на жительство в Городе в наши дни не каждому дают. Да и на временные пропуска в последнее время вроде бы тоже скупиться стали.

Не обращая внимания на предостережения Катерины и скептические улыбки Павла Петровича, Энди пробовал всё подряд: острое, сладкое, солёное... И оливье аж две порции. Жаль, что метаксы налили только один маленький стаканчик, а водки вообще на столе не было. Пфф, русские, называется. Пирожок с яблоками он дожевал уже через силу, но от стола оторвался с трудом, хотя уже еле дышал.

Хозяин принялся наводить порядок, а Катерина выгнала осоловевших гостей на террасу. Сделала серьёзное лицо и официальным тоном сообщила:

– Начинаем вводную часть тренинга, который поможет вам обрести связь с реальностью и восстановить коммуникативные навыки.

Оглядев приунывших слушателей, она хихикнула, и продолжила уже нормальным голосом:

– Не буду вас мучить, понимаю, что все устали и хотят спать. Но эту информацию я озвучить обязана.

Обязательная информация была озвучена заученной ско-

роговоркой:

– Итак, вы прибыли к нам из Города. Который есть виртуальная реальность, в которой живёте и вы, и основная часть человечества. Когда и почему вы ушли из реального мира, отказались ли вы от своих тел или они до сих пор сохраняются – информация закрытая, у нас доступа к ней нет. Но вы, как и все в Городе, должны быть готовы в любой момент вернуться к реальной жизни. В том числе – в случае техногенной катастрофы. В своё тело, если оно сохраняется, или в тело андроида, как сейчас. Так, официальная часть закончена.

Слушатели повеселели, а Катерина безуспешно попыталась разогнать самоубийственный хоровод мотыльков, выющихся вокруг стоящей на столе лампы, пожалала плечами, смахнула на пол ворох помятых крылышек и скрюченных телец, пристроила на их месте блокнот с кривоватой таблицей, поставила в первых строках галочки и предложила:

– Давайте рассматривать это как учебную тревогу на круизном лайнере. Вещь раздражающая, но необходимая. Тренинги эти придумала не я, и не я именно вас и именно сюда направила. Так что постараемся провести эти выходные без напрасного раздражения. Обещаю, что обязательные мероприятия займут совсем немного времени, потом будете просто отдыхать, кто как захочет. А теперь всем – спокойной ночи.

Устроившись в кровати, Энди немного поворочался и недовольно посопел – набитый живот никак не давал удоб-

но устроиться. Да и напоминания о собственном теле, от которого он отказался чёрт знает сколько лет назад, всегда вызывали депрессию. Но шелковистая мягкость простыни и пододеяльника, упоительная податливость подушки, вялые мысли о том, какого цвета мотыльков сделать для Города, и внезапно просочившийся в окно аромат хвои сделали своё дело – уснул он быстро. Только для того, чтобы проснуться перед рассветом от дикой боли в животе. Казалось, что внутри возник острый штырь с привязанным к нему раздувающимся воздушным шариком, которые кололи, крутили и пытались разорвать.

Целую вечность он пролежал скорчившись, прижав колени к животу, и тихо поскуливая. В какой-то момент покрылся холодным потом и осознал, что до унитаза может и не добежать. Но добежал. И провёл там, как ему показалось, вечность, несколько раз почти теряя сознание от боли. Потом спазмы внезапно прекратились и Энди по стеночке добрался до кровати и замотался в одеяло, сотрясаемый ознобом.

Разбудила его Катерина. Посмотрела на бледно-зелёное лицо, и тут же убежала за отцом. Павел Петрович, как ни странно, смеяться не стал, а неожиданно бережно прощупал живот, успокоил, что, мол, ничего страшного, просто переел, и прислал Катерину с какой-то таблеткой и несладким чаем.

Энди, почти пришедший в себя, прихлёбывал горячий чай и пытался понять, почему на других тренингах такого

не было. Стоп, остальные же были не в реале. Естественно, подобную мерзость никто в программе прописывать не станет. Не удивительно, что вполне нормальный – ну, пусть даже не совсем нормальный – биологический процесс оказался для него шоком. Правильно, что в Городе эти реакции организма убрали – они явно лишние и крайне неэстетичные.

Последнюю мысль он, видимо, озвучил, чем вызвал смех Катерины. Обиделся:

– И ничего смешного, человек страдает.

– Извини, я не хотела. Но это действительно смешно, когда скопище электронов вдруг осознаёт, что у него появились желудок, кишечник и сопутствующие им ощущения.

Она забрала пустую кружку, неожиданно погладила Энди по влажным от пота волосам, и вышла. Через мгновение вернулась, приоткрыла дверь и насмешливо добавила:

– Наверное, секс в реале тебе тоже не понравится.

Энди задумался: по поводу удовольствия от реального секса сомнения у него появились серьёзные. А вот Катерина ему нравилась невероятно, хотя была совершенного не в его вкусе, да и вообще – и рыжина, и веснушки давно вышли из моды.

Когда Энди вышел на террасу, выяснилось, что его спутников увёз Павел Петрович. А с ним заниматься будет Катерина. Ну, он был совсем не против. Не считая того, что она называла его Андрюшей, что бесило невероятно.

Попытался объяснить, что имя Энди он выбрал не про-

сто так, а в честь своего кумира, Энди Уорхола. Естественно, на фамилию не покушался, выбрал Кэмпбелл, в честь знаменитого томатного супа. Но она вряд ли знает...

Катерина знала. И предложила, раз уж так не нравится Андрей, называть его Томатиком. А может быть, Супчиком?

Энди невольно рассмеялся: – Супчиком не хочу. – И согласился на Андрея.

Разговор о возвращении на станцию и разборках с логистами даже не возникал: Энди не вспомнил, а Катерина не напоминала. Она просто усадила его в какую-то открытую таратайку и резко рванула вниз по безлюдной улочке, спугнув пса, безмятежно валявшегося в дорожной пыли.

Первым пунктом программы оказался местный магазинчик, где они купили для Энди большую бутылку минеральной воды. Катерина необидно посмеивалась – мол, не забудь, что вода тоже предполагает... Чтобы детская неожиданность не случилась.

Продавец, усатый грек, тоже деликатно посмеялся, и тут же попытался обсудить с Энди виды на урожай оливок. Тот, слегка обиженный, сухо ответил, что оливковое масло настоящему подсолнечному, с густым ароматом жареных семечек – и откуда воспоминание только всплыло, не иначе, как из раннего земного детства – и в подмётки не годится. Теперь обиделся уже грек. На эмоциональные крики из задней двери лавочки выглянула его пышнотелая русоволосая жена, одобрительно кивнула Энди – мол, хоть один разум-

ный человек нашёлся – и вручила ему гигантский персик, который тут же промялся под пальцами и закапал всё вокруг, включая майку, липким соком.

Отъехав от магазина, они остановились у пустынного пляжа и съели персик наполоам с Катериной, а потом извели почти всю воду, чтобы отмыться. Внезапно с берега раздались крики и смех – как из ниоткуда появилась шумная компания подростков. Кто-то из толпы замахал им рукой и Катерина предложила потащила его к воде. Выяснилось, что ребятам не хватает одного человека для пляжного волейбола, и Андрей, с непонятым для себя энтузиазмом, вызвался поучаствовать. Хотя говорили они на диком русско-греческом суржике, Андрей почему-то прекрасно всё понимал. Наверное, потому, что русского там было заметно больше.

Игралось легко, почти как в Городе, только вот песок, на который периодически приходилось падать, оказался намного твёрже, и всё время попадал в глаза и в рот. Андреева команда, естественно, победила – и за счёт его роста, и благодаря тактическому опыту, приобретенному в Городе – в последний год волейбол на песке вошёл там в моду.

После взаимных поздравлений с похлопыванием по плечам и коллективными объятьями – Андрей с удивлением осознал, что никто, кроме него, практически не вспотел, даже неловко стало – он рысцой двинулся к Катерине, пристроившейся в весьма условной тени от полусохшего дерева. На последних шагах дорогу ему преградила миловидная гре-

чаночка. Осмотрев его, девица серьёзным тоном сообщила:
– У вас ус отклеился.

Андрей машинально вскинул руку к лицу, но быстро опомнился и строго посмотрел на малолетнюю нахалку. Та и не подумала смущаться, а хихикнула и объяснила:

– Я хотела сказать, что у вас нос сгорел.

Её приятели начали ржать, а Катерина забеспокоилась, утащила Андрея в машину и извазюкала ему всё лицо прохладной мазью, попутно объясняя, что детишки просто вчера старую комедию посмотрели и теперь веселятся. Вот вечером, если захочет, ему тоже поставят, и он тоже будет веселиться. Потом критически его оглядела, вытерла излишки мази салфеткой и занялась изучением майки: мелкий белый песок, соединившись с влажными пятнами от персика и пота, создал на ней психоделические узоры. Пришлось заехать в очередную лавчонку и прикупить новую. Платила за неё Катерина, и Андрей вдруг понял, что здесь он просто нищий: как и следовало ожидать, доступа к своим городским деньгам у него не было, да и не принимали их в реале.

Денежный вопрос его неожиданно заинтересовал, и он попытался расспросить Катерину. Основное, что хотелось понять – как и, главное, чем с ними виртуальный Город расплачивается за поддержание своего существования, тренировки и всё прочее. Ведь это сколько же людей должно быть задействовано!

Девушка долго мямлила что-то невразумительное, потом

резко остановила машину, повернулась к Андрею и отчеканила:

– Бессмертием вы с нами расплачиваетесь.

– В смысле?

– В том смысле, что наши неизлечимо больные, немощные, умирающие, и те, у кого срок жизни андроида заканчивается – в них ведь только сто пятьдесят лет заложено – имеют возможность уйти в Город, получить минимальный стартовый капитал и жить там вечно, в любом облике.

– Так ведь кто угодно имеет право, по Хартии...

– Право имеет, но не может. Места закончились.

– В каком смысле – закончились? Город, он ведь...

– Резиновый, ты, наверное, это хотел сказать? Ты уверен?

А что там с пропусками и квотами для наших? И сколько у тебя аватаров осталось, а? Один? И как часто его менять можно?

Андрей поморщился – да, со сменой облика зажимают всё больше, в последнее время разрешают не чаще, чем раз в год. Так, а Катерина откуда об этом знает?

Словно прочитав его мысли, девушка ответила:

– А я, как реал-тренер, к избранным отношусь, у которых постоянный пропуск. Правда, бывать у вас стараюсь пореже, а чем больше перерывы – тем заметнее изменения.

– Ну, какие там изменения. Кое-какие ограничения вводятся, но их совсем мало. Зато какие новые территории открываем! Одна только Кассандра...

– Вот и я о том же. Да, в начале Исхода все были уверены, что Город бесконечен. А теперь вот оказалось оказалось, что конечен. И из-за толп народа, который туда рванул с концами, и из-за того, что вы его изнутри его без остановки надстраиваете, без всякой необходимости. Одна твоя Кассандра сколько сожрала. Теперь вот Русь Изначальную мастерите, американцы Эдем с динозаврами затеяли, индусы и китайцы тоже с парками развлечений не отстают.

Андрей возмутился:

– Это не парки развлечений! Каждый имеет право выбирать, в какой обстановке ему жить. Вот мы и создаём на любой вкус. Жизнь ведь – долгая, в одном месте надоест...

– Вы тут же и перепорхнёте. Из одной нереальности в другую. И ещё имеете наглость нас мотыльками называть. Да, да! Думаешь, мы не знаем?

Разгорячившаяся Катерина стала чудо как хороша – Андрей улыбнулся и примирительно ответил:

– Мы – вас, а вы – нас. Получается, что оба мы мотыльки. Крылышками бяк-бяк...

Катерина удивилась:

– А ты откуда знаешь?

– Про мотыльков?

– Да нет, про «бяк-бяк»?

– Ну, фильмы-то старые и у нас никуда не делись. Да, про «ус отклеился» я тоже смотрел, и не один раз, только от неожиданности не сразу сообразил. Вот так-то, не такие

уж мы и дикие.

Девушка смягчилась, но лишь слегка:

– Ты, может быть, и не безнадежен. Только согласишься, что бессмысленное «бьяк-бьяк» – это совсем не про нас.

Андрей сначала неуверенно кивнул, потом немного подумал и Катерину поцеловал. Нельзя сказать, что она на поцелуй страстно ответила, но ни применять меры физического воздействия, ни даже отталкивать не стала.

Отстранившись через несколько минут, девушка поправила разлохмаченные волосы, помолчала, глядя в окно на опустевший пляж, потом повернулась к Андрею и серьёзно сказала:

– Что-то уж слишком мы отклонились от программы. Забудь всё что мы здесь наговорили, договорились? И поехали, а то время поджидает.

Следующим пунктом программы оказался офис местных архитекторов. Судя по всему, в Сибири планировалось масштабное строительство, и толпа народа в просторной светлой комнате ожесточённо ругалась по поводу цвета крыш – одинаковые делать или разноцветные. Катерина Андрея представила, но внимания на него никто не обратил. Он немного послушал, попытался вклиниться в дискуссию, но был не очень вежливо послан – как не имеющий представления о городском дизайне.

Ответом на его возмущённое напоминание о создании целой планеты был дружный хохот с издевательскими упо-

минаниями любительской программы SweetHome, коллажей и ничейной графики. Отсмеявшись, долговязый парень в растянутой футболке с какой-то надписью на греческом, примирительно улыбнулся:

– Ладно, ребята, что на гостя наехали! Он наверняка в чём-нибудь крутом работает, типа Daz Bruce. Там и библиотека...

Из дальнего угла отозвалась стервозного вида пожилая тётка:

– Вот именно, библиотека. Программа в программе работает, обхохочешься! Коллажники они все. А пальчиками – никак? Хотя бы «ручки-ножки-огуречик»?

Андрей растерянно огляделся, потом подошёл к висящей между окнами чёрной доске, схватил кусочек мела и примерился. Пальцы не слушались, мел выскользывал из них, а мизинец и вообще свело судорогой. Андрей скрипнул зубами, глубоко вздохнул, полуприкрыл глаза и нарисовал затребованного человечка. А вместо условной головы приделал злобный, но вполне узнаваемый шарж на противную тётку. С торжеством оглядел примолкшую толпу, улыбнулся Зое и пририсовал сбоку порхающую фею с её лицом.

Шутовски поклонившись, он отряхнул руки от мела и снисходительно разрешил:

– Можете не аплодировать. Катерина, думаю, нам пора.

Схватив не сопротивляющуюся девушку за руку, он потащил её из комнаты, с неожиданным удовольствием уже на

пороге услышав, что место в мастерской будет его ждать. Вроде бы та самая противная тётка крикнула.

Катерина произошедшее никак не прокомментировала. Молча порывшись в своём блокнотике, она привезла его в порт, знакомиться с прирученными дельфинами, которые помогают загонять рыбу. Кататься на них Андрей отказался, сославшись на холодную воду. А то от поноса вылечили, теперь от простуды лечить будете? Но восхитительную на ощупь дельфинью спину погладил, и удостоится вполне благожелательного свиста.

Потом было обозревание горизонта со скалы Фурка. Бог ты мой, какие краски, как ветер ласкает лицо – и в следующее мгновение колет сотней мелких песчинок, обдаёт брызгами – и стихает. А солнце высушивает кожу, оставляя на лице, руках и одежде пятнышки соли. Появилась еретическая мысль, что это прописать невозможно. Но ведь попробовать-то можно? Хоть в каком-то приближении должно получиться...

Выяснилось, что целоваться солёными губами тоже здорово. Жаль, что совсем недолго. Катерина почти сразу отстранилась, забормотала, что на реал-базу пора.

Андрей ни на какую базу не хотел, но пришлось. Встретившийся им у лифта огромный мужик – что их здесь, по одной мерке подбирают? – оказался профессором Лесиным, «главным по тарелочкам», как он сам представился. Катерина негромкой скороговоркой пояснила, что это самый глав-

ный человек на их территории, руководит жизнеобеспечением российской части Города. А лифт – к машинам, очень, очень глубоко.

Профессору же она представила Андрея как ведущего дизайнера Города. Тот удивлённо пошевелил кустистыми бровями, заявил, что представлял себе творца неземной городской красоты именно таким – не уточняя, каким именно – и ловко удрал, неожиданно ловко шмыгнув в едва открывшиеся двери лифта.

Катерина протащила Андрея по верхним этажам, где знакомила с какими-то людьми, показывала голографическую самообновляющуюся карту Города, таблицы и графики, но всё проходило как-то мимо. Единственное, о чём он мог думать – это когда ещё выдастся случай Катерину поцеловать.

Случай выдался у дверей гостиницы. И потом – после вечерней рыбалки, на которую Катерина выгнала его в компании двух местных парней. Сама рыбалка привела его в экстаз. Запахи, ощущения, разодранная крючком ладонь, перламутровые рыбы внутренности... И скупая похвала молчаливого Андреаса:

– Ничего, можешь.

За ужином он ел осторожно, несмотря на сосущее чувство голода. Из-за этого сидел грустный, бросая несчастные взгляды на Катерину. Да ещё Лариса раздражала, приставая с бесконечными вопросами о том, что видел, да что чувствовал, да что понял-узнал-осознал. Хорошо, хоть Василий

молча жевал, а на любые вопросы отвечал лишь «да» или «нет».

В комнату Андрей поднимался под насмешливым взглядом Павла Петровича, обнявшего Катерину за плечи, и явно не собирающегося отпускать. Уснул мгновенно. А утром был огорошен известием, что пора возвращаться, что-то там в программе поменялось, и через час прибудет новая группа.

На станции он отвёл Катерину в сторону и спокойно спросил, действительно ли он ей нужен, или это всё было в рамках тренинга. Выслушав ответ, так же спокойно сообщил, что вернётся завтра, в худшем случае послезавтра, даже если этот чёртов Город придётся разнести в клочья. Крепко поцеловал Катерину и закрыл за собой дверь.

В Городе Андрей пришёл в себя в привычном виде – стильная худоба, джинсы в обтяжку, жёлтый пуловер, собранные в косу чёрные волосы. Посмотрелся в зеркало, плюнул, и рванул по порталам – побеждать административную машину.

Лариса-Лорали отследила метания Энди, и отправилась писать отчёт. К шефу шла с некоторым трепетом – ведь потеряла объект из вида почти на целый день. Ну, что стоило тоже сказаться больной и задержаться?

Шеф безопасности Города дочитал отчёт, довольно ухмыльнулся:

– Великолепно! Это мы удачно придумали, как заменить

реальные тренинги виртуальными. Точно у нашего Энди никаких подозрений не возникло? И модуль, обостряющая глубину ощущений, нормально сработал? Отлично. Заодно и его испытали, нужно дать команду, чтобы внедряли. Думаю, совет Города нашу методику полностью одобрит. Завтра же недели начнём применять. Насколько же это проще, чем переносы сознания в реал. Да и андроидов не нападёшь. Всё, Лорали, свободна. Гулять можешь хоть месяц, до следующей контрольной поездки. Премию завтра получишь. Тому пацану, что желудочные колики с поносом придумал и прописал, тоже выпишем. Какие таланты растут! Хотя – на половину премии потом оштрафуем – с запахом хвой он лажанулся, ты вовремя сообщила.

Лорали благодарно кивнула и заторопилась к выходу – в расчёте на премию планы на отпуск были составлены давно. Грандиозные. Но на пороге остановилась:

– Послушайте, шеф, понос – не понос, всё равно ведь Энди с прошением на возвращение придёт. И что вы будете делать?

– Что-что... Подпишу. И пусть валит к своей Катерине. Не нужны здесь такие, на реальность падкие. А там – нужны. Сама знаешь, медленно в реале растёт население, только естественным путём, а задач перед ними – море. Мощности срочно нужно увеличивать. Тренинг – не только процедура необходимая, но он ещё и проверка, кто для возвращения созрел, а кто ещё нет, если вообще когда-нибудь... Понимать

нужно.

Лорали мысленно хихикнула – да кто же добровольно в реал уйдёт-то— но ответила нейтрально:

– Так Катерина тоже из вирта.

– Временно. Она с папашей из реального Сибири, мы просто часть его скопировали для тренингов. Ну, и мотыльков привлекли. Они этот закрытый кусок Города помогали дорабатывать, местное население со всеми реакциями и заморочками прописывать... А с группами они работали и здесь, и там. Их между городом и реалом уже несколько раз перекидывали, с телами настоящими столько мороки каждый раз. Но теперь – хватит. Всё работает, для тренингов наших отобрали, они сейчас вживаются. Так что этим – до свидания. И папаша там мутный какой-то, всё норовил из закрытого сектора выскользнуть, типа, с народом пообщаться, и дочка его на последнем прогоне учудила, прямо шекспировские страсти. Нет уж, пусть дальше здешние проверенные кадры работают, они такого не допустят. Да и неписей качественных теперь достаточно, чтобы, значит, никакой отсебятины...

Вернувшись к столу, Лорали плотно уселась, всем видом показывая, что без объяснений не уйдёт, и резко спросила:

– И что всё это означает? Понятно, что меня вслепую использовали, но, может быть, я заслужила хоть какого-то доступа к информации, за свои мучения в этом псевдо-реале? Это ведь жуть жуткая была.

– Не заслужила пока. Но так и быть... Вот скажи, зачем

мы раз в год всех пропускаем через иллюзию реала? И некоторых избранных – через реал?

Лорали снисходительно улыбнулась, уж это-то она зубок знает:

– Для сохранения навыков реальной жизни и коммуникации, как учебная тревога на случай...

– Ты мне инструкцию здесь не цитируй. Сама-то что думаешь?

– Ну, наверное, чтобы не забывали, что реальный мир есть. И что там плохо и неудобно.

– Да? А кто, по твоему мнению, наш вирт-мир поддерживает?

– Роботы?

– А роботов кто контролирует, ремонтирует, создаёт?

– Другие роботы? – Лорали запнулась. – Что, и так до бесконечности? И над ними...

– А над ними – команда инженеров и программистов. А также учёных, рабочих, монтажников, грузчиков и уборщиц. А ещё горняков, крестьян, рыбаков, поваров, врачей, священников и много кого ещё. Общим количеством триста тысяч душ. Не считая детей. Только для нашего сектора Города. По столько же примерно – в американском и европейском. В китайско-азиатском – ещё больше. Вот они и обеспечивают существование нашего с тобой мира.

– Их к нам не впускают?

Шеф достал из коробочки сигару, обрезал гильотинкой

кончик, с удовольствием понюхал. Щёлкнул пальцами, поднёс к сигаре огонёк, загоревшийся на кончике мизинца, пыхнул дымом:

– Впускают. Очень выборочно. И очень немногих. Мощности-то серверов гигантские, но не бесконечные. И уже на пределе. Так что тут не то, чтобы впускать – от лишних пора избавляться. А эти, да, заглядывают сюда иногда. В основном – в библиотеки. Да дальше их и не пускают. Или на временную работу, как девица эта с папашей, в закрытые сектора. Кое-кого, в качестве поощрения – на отдых. Хотя они и не очень-то и рвутся, вроде как, раз уж решили в реале жить... За что им большое человеческое спасибо, потому что без них наш мир рухнет. Хотя и с ними – тоже рухнет. Может, через год, или через десять лет, или через тысячу. Но рухнет обязательно. Сначала пойдут мелкие сбои – у малины, там, вкус клубники появится. Потом картинка поплывёт. А потом мы все исчезнем, превратимся в бессмысленный электронный шум. В конце концов и его не станет. Осознала?

Лорали испуганно приоткрыла рот:

– Но ведь столько лет...

– Сколько? С тех пор, как твоё тело в утиль ушло? Сто, двести?

Лицо шефа покраснело, он почти кричал. Потом, глубоко вздохнув, попытался спокойно объяснить:

– У всего есть предел прочности. И эффект накапливаю-

щихся ошибок. Нам срочно нужны люди на той стороне, которые всем этим будут заниматься. Много людей, чтобы хоть какая-то цивилизация сохранилась. Народу там хоть понемногу и прибавляется, да вот в инженеры-программисты никто идти не хочет. Рыбу ловят, в волейбол-футбол гоняют, а в свободное время стихи пишут. Тьфу! Наверное, мы ошибку сделали, когда сосредоточили все наши службы в Греции – выбирать-то можно было где угодно, народу на Земле, считай, и не осталось. Климат уж больно к безделью располагающий. Нужно было их куда-нибудь в Скандинавию засунуть, чтобы не расслаблялись. Или в Норильск. Или вообще под землю.

Лорали успокаивающе пробормотала:

– Так программу мы, получается, для того и запустили, чтобы подходящих кандидатов найти. Только зачем пугать их всякими трудностями?

– Не пугать, а проверять, кто сможет адаптироваться, а кто – нет. С другой стороны, проверишь, а они, уроды, всё равно потом тупо на берегу сидят и на закат таращатся, вместо того, чтобы...

Девушка попыталась перевести разговор на более безопасную тему:

– А Энди зачем туда? Он ведь не программист, и не инженер, просто – дизайнер.

Начальство снисходительно пояснило:

– Да, дизайнер. Был одним из лучших. Да что там, луч-

шим! Но в последнее время из творческого кризиса не вылезает, что не проект – то провал. Все инопланетные вирты даже в тестовом режиме выглядят как картонные, ну кроме Кассандры, которую тот же Энди на пике карьеры слепил. Так что пусть в реале покрутится, поносом пострадает – ха-ха – там сейчас строительство грандиозное, дизайнеры его уровня наперечёт. Ну, иди, иди. Ты ведь в отпуск на Радужные острова собиралась?

Успокоившаяся Лорали вылетела за дверь, думая уже только о том, как бы выбить себе местечко прямо с завтрашнего дня, и не услышала, как начальник с сожалением буркнул:

– Вот стрекоза. Ну, попорхай пока.

Не успела дверь за девушкой захлопнуться, как в неё просочился мрачный Василий и начал монотонно докладывать:

– С профессором Лесиным я пообщался. Он специально из реала к нам на час заскочил. К вам идти отказался, чтобы не светиться. А так – подтвердил все договорённости. Говорит, что за месяц управятся. В крайнем случае – за два. Но это нежелательно.

– Ну и хорошо. Месяц – это нормально. А Лорали чем занималась, пока ты переговаривался? Не могла лишнего услышать?

– Да нет. В холле под кондиционером сидела и страдала.

– Никаких шансов, что захочет вернуться?

– Ни малейших. Она секунды там считала.

– Жаль. Неплохая девчонка. Была когда-то. Лет двести назад. Ладно, а ты когда отбываешь?

– Так через месяц и двину. А вы не передумаете? Проф просил передать, что вы, извините, старый дурак.

Шеф безопасности Города устало улыбнулся:

– Что дурак – это точно. Только проблема не в том, что дурак, а в том, что уж очень старый. Завтра как раз триста лет исполнится, как я здесь...

– Подождите, получается, что и Хартию вы...

– Я. Среди прочих отцов-основателей. Вместе с профессором Лесиным. Он смог в реал вернуться, а я не могу. Пытался несколько раз, и больше одного дня не выдерживал. Отвык за триста лет. Да и устал... Ладно, пустое это. Нам за месяц сколько тысяч переселить нужно? Вот то-то. Как там с андроидами, хватит? И с восстановлением городишек?

– Андроидов там с запасом, последние два года в основном только ими и занимались. В Салониках всю прибрежную часть восстановили. Ваш любимый посёлок...

– Это какой?

– Да тот, с неприличным названием...

Шеф рассмеялся:

– Неа-Муданья? Неужели сохранили?

– Да нет, единогласно переименовали.

– Неужто в Москву?

– Вы будете смеяться – в Новгород. Ну, и строят в эндаком русско-греческом стиле. Забавно получается. Может, сходи-

те, посмотрите?

– Всё, закрыли тему. Давай по основным персоналиям ещё раз пройдемся. Стоп, кто там в дверь скребётся?

Василий резко распахнул дверь, и в кабинет ввалился взъерошенный Андрей. Шеф добродушно кивнул:

– А, Энди. Заходи, присаживайся. Что там у тебя за срочность?

Андрей, оттолкнув Василия, бросил на стол пачку бумаг и решительно заявил:

– Некогда мне рассиживаться. Здесь только подпись ваша нужна. На первой странице и на пятой.

Шеф начал просматривать бумаги, свободной рукой повелительно указав на стул.

Андрей неохотно уселся на краешек и резко сказал:

– Там всё в порядке. Пожалуйста, Юрий Иванович, мне сегодня нужно всё закончить.

Шеф подписал пятую страницу, подровнял бумаги и строго посмотрел на Андрея:

– Ты понимаешь, что обратно дороги не будет? Никогда? Даже если передумаешь? Тем, кто сам ушёл...

Андрей его прервал:

– Я всё понимаю. Не передумаю. И оставаться здесь ни минуты лишней не хочу. Чувствую себя как в аквариуме с протухшей водой...

– Ну, смотри. Это – твоё решение. Деньги твои все в реал переведут, так что бедствовать не будешь.

– Я сам разберусь. Работа там у меня уже есть...

– И девушка, как я понимаю, тоже. Тем более, деньги лишними не будут. Заглядывать не предлагаю – шансов увидеться у нас больше не будет. Так что – прощай. И удачи.

Юрий Андреевич подписал первую страницу, Андрей схватил бумаги и помчался к выходу, опять оттолкнув Василия. На пороге он на мгновение притормозил, обернулся, поймал взгляд Шефа, молча кивнул и вышел.

Шеф потёр лицо, немного помолчал, и оживлённо заговорил:

– Вот что наш новый модуль животворящий делает-то! Аквариум протухший, понимаешь. Ладно, давай делами заниматься.

На станции Катерина первой выскочила из капсулы. Даже не притормозив перед зеркалом – так, мазнула взглядом – вылетела в холл и начала нетерпеливо прохаживаться перед соседней дверью. Едва отец показался на пороге, схватила его за руку и потащила к выходу, бросив на бегу даме за стойкой:

– Тётъ Фина, мы всё, теперь уже насовсем.

На улице отца с дочерью встречала не машина, а украшенная лентами и цветами коляска. Две смиренные каурые лошадки с гривами, тоже перевитыми лентами, терпеливо стояли на солнцепёке, даже не перебирая ногами.

Возница, подскочив, обнял сначала Павла, потом – Кате-

рину. Довольно пробасил:

– Ну, все в сборе? Выбрались наконец-то. Начинаем как договорились?

Павел Петрович шутливо шаркнул ногой:

– Андрей Андреевич! Надо же, какая честь! Сам главный по тарелочкам встречает. Да ещё экипаж какой подали!

Профессор Лесин почесал затылок, смущённо улыбнулся:

– Прослышали уже? Быстро же в вашей потусторонности вести разносятся. Да, выбрали. Ну, сам понимаешь, я – так, вождь военного времени и переходного периода. А ты – наш главный идеолог. Так что готовься свою ветвь власти поднимать. А мне уж науку оставишь. Так что, когда мотыльков этих отключаем? Формально договорились, что через месяц. Но можно и передоговориться. С американцами и европейцами давно согласовали, на прошлой неделе китайцы наконец-то согласились. Единогласно. Осталось отмашку дать, чтобы всем одновременно. Мы-то хоть завтра готовы.

Катерина охнула и начала возражать, но Павел Петрович её остановил:

– Не спеши. Договорились через месяц – пусть так и будет. Мы ведь ещё людей ждём, толпу целую. Андроидов-то точно хватит? К тому же у нас там любоффь. Внезапная. Которая кааак нагрнет... Так что в любом случае Андрюху её дождёмся.

Не обращая внимания на Катеринино «Ну, паап», профессор Лесин бодро ответил:

– У чего-чего, а андроидов... – Он покосился на Катерину. – Не переживай, держим то самое тело для твоего, держим, никуда не денется. Только вот когда любезного-то твоего ждать?

Катерина независимо повела плечами, а вместо неё ответил отец:

– Андрюха, я так думаю, завтра объявится, если не сегодня к вечеру. А основная масса за пару недель перейдёт, так что работаем в круглосуточном режиме. Новый пересадочный центр уже расконсервировали, хватит уже тётке Фине сельское захолустье изображать. И центры в Новгороде и Салониках запустили. Посчитали уже: за месяц все, кто хочет вернуться – как раз успеют. Вот тогда в торжественно обстановке этот проклятый Город отключаем. Одновременно все сектора. Хватит нахлебников содержать. Вот только не решили ещё: кто церемониальный рубильник опускать будет? Ты или я?

Профессор хмыкнул:

– Да какая разница, кто душегубцем станет. Все мы этим решением повязаны.

Павел Петрович резко возразил:

– По поводу души у скопища электронов мы уже пятый год копыя ломаем, – и он машинально потёр челюсть, сломанную в самой первой дискуссии. – А вот Юрчика жалко. Вроде бы и сам решил...

– Какого Юрчика?

– Да дружка твоего безопасного.

– Ну, у него часто мухи с котлетами перемешиваются. Только что его жалеть? Прибудет как миленький, и пахать будет по своей линии. А то дезертировать задумал. Нет уж, пусть тоже косяки наши общие исправляет. Ручками, как все мы...

– Так он ведь наотрез отказался.

– А кто его спрашивать будет? С Василием всё договорено, упакует как зайчика, и в капсулу переноса пакетом и закинет.

Профессор громогласно рассмеялся и злорадно добавил:

– Забыл как в реале жить – напомним, не хочет – заставим. Я ему и андроида подобрал, от всей души, годочков тридцати видом. Смотри, ещё дочку твою у Андрюхи отбивать начнёт...

Павел Петрович воровато покосился на Катерину, отошедшую к крыльцу и топчущуюся там с отрешённым видом, и признался:

– Не отобьёт. Она ещё в прошлом году в Андрюху влюбилась, когда в Городе как психолог стажировалась. В самом, что ни на есть, модном тамошнем аватаре. Ну, тогда не срослось, а в натуральном виде, так сказать...

– Так он же сам там выглядел как не знаю что!

– Ну, за муки полюбила...

– Какие ещё муки?

– Как какие? Творческие. И если мужик чуть симпатичнее

обезьяны...

– Если бы обезьяны. Мартышкой он там был. Натуральной. И вообще, Катьке твоей сколько лет? Двадцать три? А ему, реальных? За сотню. Вот и думай.

Павел Петрович помрачнел, но не согласился:

– А мне что думать? Пусть сами разбираются.

Он кивнул на оглушительно хлопнувшую дверь пересадочной станции, из которой выскочил Андрей и бросился к Катерине. Немного понаблюдав за целующейся парочкой, мужчины синхронно вздохнули. Павел Петрович сочувственно пробормотал:

– Тяжело парню будет. Особенно – когда узнает. Вот как и когда ему рассказывать – даже не представляю.

Профессор пожал плечами:

– А кому сейчас легко? Мне, думаешь, легче – собственное детище уничтожать? А когда сказать – понятно: прямо сейчас.

Он стремительно подошёл к Андрею, который с удивлением на него уставился, продолжая обнимать Катерину, и без всяких предисловий сообщил:

– Город ваш через месяц отключаем. Совсем. Весь.

Андрей немного поморгал, почесал затылок, и спокойно ответил:

– Что-то такое я и подозревал. Были признаки, что так или иначе всё скоро закончится. Не думал, правда, что так быстро и резко. Только весь Город – это вы погорячились.

Ту же Кассандру, например, можно оставить.

Профессор вызверился:

– Своё творение пожалел? А мне, думаешь, моего не жалко? Уж побольше твоего вложено...

Ласково придержав Катерину, рванувшуюся его защищать, Андрей насмешливо спросил:

– А людей куда денете?

– Переселенцы будут...

– А я не про переселенцев. А про ваших сотрудников. Рыбу отправите ловить?

Профессор дёрнул себя бороду и задумался. Присоединившийся к ним Павел Петрович с интересом спросил:

– А ты что хочешь предложить?

– Да ничего особенного. Понимаете, большие дизайн-проекты, вроде Кассандры, это не просто «ручки-ножки-огуречек», восходы там, и закаты. Это ещё и большая команда. Кончился проект – команда разбежалась по другим. Так что корифеев ваших нужно чем-то занять, и чтобы технологии не пропали. Вы ведь их запрещать не собираетесь?

Павел Петрович начал кивать, профессор же замотал головой. Андрей немного посмотрел на пантомиму, и продолжил:

– Кассандра – это отдых и развлечения. Не жизнь. А она предстоит, как мне кажется, не очень лёгкая. У людей будет место, где расслабиться, курорт. Можно любые ограничения ввести: и чтобы не больше недели, и чтобы аватар единствен-

ный, и не чаще, чем...

Профессор Лесин задумчиво покрутил пальцами и выдал возражение:

– А те толпы мотыльков, которые на Кассандре сейчас роятся? Их куда?

Павел Петрович замахал руками:

– Это – не проблема. С Юркой свяжемся, он быстро всех лишних эвакуирует по местам, так сказать, прописки. А кое-кого можно и оставить, да ещё и народа нагнать, который пока колеблется. Решаемо. Нужно срочно с другими секторами эту идею обсудить. Думаю, всем понравится. Слушай, Андрей, ты придумал – тебе и воплощать. Давай сейчас движем на реал-базу, и мы...

– Нет, я теперь только по основной специальности, городская архитектура. Вот мотыльков для Кассандры по старой памяти сделаю, а то бабочки и стрекозы там есть, а про мотыльков забыл. А без мотыльков там – совсем никак, правда, Котёнок?

Андрей обнял Катерину за талию и они, и целуясь на ходу, медленно пошли к переулку, за которым виднелось море.

1) Кирие – господин (греч.)

2) Калимэра – добрый день (греч.)

3) Калиспэра – добрый вечер (греч.)

Обложка создана автором